

К вопросу об украинизации некоторых районов Воронежской области в 20-30-е годы XX в.

On the issue of Ukrainization of some areas of the Voronezh region in the 20-30s of the XX century

Ряполов В.Н.

заведующий сектором реставрации отдела редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru

Ryapolov V.N.

Head of the Rare Book Restoration Sector, Voronezh State University Zone Scientific Library

Аннотация

В статье рассматривается история заселения территории Воронежской губернии выходцами из Малороссии, создания так называемой Слобожанщины и попытки насильственной украинизации территорий, заселенных украиноговорящим населением.

Ключевые слова: Воронежская область, Слобожанщина, украинизация, наука, образование.

Abstract

The article discusses the history of the settlement of the Voronezh province by immigrants from Malorossia, the creation of the so-called Slobozhanshchina, and attempts to forcibly ukrainization the territories inhabited by the Ukrainian-speaking population.

Keywords: Voronezh region, Slobozhanshchina, ukrainization, the science, education.

Вопрос об украинизации некоторых районов Воронежской области или районов, охватывающих территорию бывшей Воронежской губернии, возник не на пустом месте. Для этого были свои предпосылки, в первую очередь связанные с историей заселения этой огромной территории на юго-западе России, представлявшей собой еще в XVI в. «Дикое поле». Исчезнувшая в конце XV в. Золотая Орда оставила после себя воинственные осколки, окружавшие страну, как с востока, так и с юга. Наибольшую опасность представляло Крымское ханство, орды которого подходили, сжигая и уничтожая все живое на своем пути к самой Москве. Чтобы оградить Русь от набегов, было принято решение о строительстве укрепленной линии, в ходе которого в 1585 г. была основана крепость Воронеж. А уже в XVII в. была построена мощная Белгородская укрепленная линия, проходившая от Белгорода через Воронеж к Тамбову. В это же время на берегах воронежских рек появились новые города-крепости Орлов (ныне село Орлово Новоусманского района), Костенск (сейчас село Костенки), Урыв, Коротояк, Острогжск и Ольшанск. Заселялись эти крепости, как правило, жителями великорусских городов Рязанской губернии, например, из Ельца [1, с.14]. И в это же время, не желая смириться с гнетом польского дворянства и католического духовенства, жители Малороссии начали покидать свои земли и уходить на восток. Так, в 1652 г. тысяча черкасов (так в то время называли малороссов) с семьями подошла к русской границе и попросила разрешения перейти на жительство в Россию. Во главе этой группы стоял черниговский полковник Иван Дзиньковский. Правительство дало разрешение, определив их во вновь строящийся город Острогжск [1, с.15]. Так первые Острогжские черкасы стали на защиту Руси от крымских набегов. На этом переселение малороссов не закончилось, оно продолжилось и после воссоединения Левобережной Украины с Россией. При этом хотелось бы добавить, что Острогжск во главе с полковником казачьего полка Дзиньковским в 1670

г. поддержал вспыхнувшее на Дону восстание Степана Разина. После подавления мятежа в городе, он был расстрелян 29 сентября 1670-го в Острогожске среди других участников [2, с.28]. Переселялись малороссы, как правило, семьями со всем своим домашним скарбом, как группами, так и в одиночку. Правительство было заинтересовано в этих переселенцах, оно выделяло им земли по 16 десятин на члена семьи, давая подъемные, освобождая от налогов [3, с. 92]. Из поселений, получивших название «слободы», формировались черкасские казачьи полки, в обязанность которых входило несение службы по охране южных рубежей государства. Так, по переписи 1748 г. в состав Острогожского полка входили такие населенные пункты Воронежской губернии, как Богучар, Калач, Новобелая, Панская Гвоздевка и многие другие, а также Касторное (Курская обл.), Слоновка, Алексеевка, Ровеньки, Волоконовка, Староивановка (бывшая Воронежская губерния, сейчас Белгородская обл.) [4, с. 17]. Со временем территория, занимаемая переселенцами, росла и к XIX в. уже охватывала Харьковскую, юг и запад Воронежской и юг Курской губерний. В историю она вошла под названием «Слобожанщина», став самостоятельным историческим регионом. Этнически и культурно она, конечно же, была близка к Малороссии, а главным городом ее на многие годы стал Харьков, являясь не только ее культурным, но и политическим центром [5, с. 23]. Изначально переселенцев именовали черкасами, по названию, принятому еще в Московии в отношении запорожцев. Постепенно оно эволюционировало, перейдя в название «хохлы», появившееся еще во времена «Смутного времени» и происходившее от причесок запорожцев, пришедших на Москву в составе польского войска. Со временем прозвище «хохлы», данное малорусскому населению великороссами, прижилось, не неся в себе никакого негативного или насмешливого смысла, и стало самоназванием достаточно больших групп населения Слобожанщины. Оно стало таким же естественным, как название «казак» или «помор». Да и географически хохлы стали делиться на «воронежских», «харьковских» или «кубанских». Еще в 1828 г. воронежский поэт Алексей Кольцов в своем известном стихотворении «Ночлег чумаков» написал:

«Беспечно пред огнем в кружке / Хохлы чумадые, седые,

С усами хлопцы молодые, / Простершись на траве, лежат и вдаль невесело глядят» [6, с. 50].

В середине XIX в. слово «хохол» стало этнонимом и использовалось не только в разговорной речи, но и в официальных документах, научных работах, публицистике. Так, известный украинофил, историк, один из основателей украинского сепаратизма Н.И. Костомаров, будучи уроженцем Воронежской губернии, использовал в своих текстах слово «хохол», при этом к великорусскому населению применял такое обидное, как «москаль». Например: «Делалось то, что хочу вам рассказать, в Слободской Украине, из которой составилаь нынешняя Харьковская губерния, а часть ее отошла в южную часть губернии Воронежской. Малорусу всегда суждено быть только мужиком. Он до тех пор и малорус, пока мужик; а пока он мужик – его непременно эксплуатируют чужие люди. В крае, некогда занимаемом Гетманщиной, эксплуататором малоруса был иудей, а в Слободской Украине такую же роль захватили великорусы – москали, как их там называл народ. <...> Едва ли найдете слободу, где бы не было хоть одного великоруса, а в иных, более многолюдных, играющих роль местечек или городков, их можно насчитать целые десятки. Москали, поселившиеся в слободах, никогда почти не занимаются земледелием, разве когда москаль купит у хохла себе в собственность клочок полевой земли, да и тогда у москаля работают те же хохлы, только по найму. Чаще всего водворившиеся в малорусской слободе москали занимаются торгашеством: иной заведет в слободе шинок или постоялый двор, пускает обозы извозчиков и всяких проезжих, держит для них сено, овес, всякую харч и напитки, другой не держит постоялого двора, а один только шинок, и к нему собираются пьянствовать; иной заведет лавчонку со всякого рода съестным и с лакомствами; иной поселяется в слободе за тем только, чтоб скупать у хохлов сельские произведения и мужичьи работы и перепродавать их в город купцам тамошним, служа у последних как бы комиссионером. Многие москали дают хохлам деньги за проценты; у москаля всегда бывают

деньги, а у хохла их почти всегда нет, а между тем в них всегда потребность. Москаль, живущий в слободе, всегда почти нелюбим хохлами, но хохол без москаля обойтись не может, потому что у хохла не достает столько смекалки, сколько ее бывает у москаля, и потому, хотя хохол москаля не любит, а находится у него в зависимости. Особенно противен был москаль тем хохлам, которые, по стесненным обстоятельствам, прибегали к нему за пособиями и, попавшись ему в руки, чувствовали себя от него разоренными и обнищавшими» [7, с. 147–148].

Да и М.А. Шолохов, как в «Поднятой целине», так и в своем «Тихом Доне» не раз писал: «Хохлы, они огромно сердитые» [8, с.146], или «Тут драки начинались безо всякой причины, просто потому, что «хохол», а раз «хохол» – надо бить» [8, с.147]. При этом сам писатель в детстве учился в гимназии города Богучара Воронежской губернии и наверняка сидел за одной партой все с тем же «хохлом». За всю историю своего существования слобожанские хохлы никогда не идентифицировались как украинцы, считая себя русскими. Да и современные вряд ли смогли представить себе, что они «украинцы», если бы не разлагающая деятельность польской элиты, внушавшей в течение XIX столетия жителям Новороссии, Малороссии, Слобожанщины мысль, что они этнически самостоятельный, не имеющий ничего общего с русскими народ. Даже жители самых западных областей Российской империи считали себя русскими, о чем можно прочесть в воспоминаниях митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Анастасия (Грибановского), служивших архиереями Холмской епархии (сейчас город Хельм республики Польша) перед Первой мировой войной и боровшихся против полонизации местного населения. Этноним «хохол» перерос даже в географическое название. Так, на территории Воронежской губернии рядом с Русской Тростянкой появилось село Хохол-Тростянка, ровесница Острогожска. По преданиям на этом месте изначально острогожские черкасы на реке Тростянке разбивали свои огороды [9, с. 335].

Если в XIX в. «украинизм» витал в умах узкой, маргинальной прослойки малоросской интеллигенции, то события 1917 г. подняли эту идею, что называется «на вилы». Развалившийся фронт способствовал оккупации территории Украины германскими войсками, на штыках которых к власти приходили, неся с собой идеи «самостийной Украины», то Петлюра, то разные батьки, то генерал Скоропадский. А как только в 1918-м Германия потерпела поражение, то рухнула и Украина, оставив в умах и сердцах местного населения полное отторжение украинской идентичности под «жовто-блакитным» флагом. Говорить, что она рухнула совсем, было бы, наверное, не правильно. Идея «украинизма» нашла свой приют в умах галицийцев и буковинцев, оказавшихся волей судьбы в составе польского государства.

То, что не удалось сделать в течение столетия полякам, сепаратистам, различным самостийникам и гетманам, а это расколоть один русский народ на два, то удалось большевикам. Еще в 1920-м князь Александр Михайлович Волконский писал, что: «могущественный фактор украинского и всех остальных сепаратизмов в России – большевизм» [10, с. 136]. Да и было почему сложиться такому мнению, выступая на Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) в 1917 г. по национальному вопросу Ленин заявил: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист» [11, с. 93].

Уничтожив «единую и неделимую Россию» с губернской системой управления, они создали лоскутное одеяло, представлявшее собой так называемый «Союз» государств с правом на самоопределение, в который и вошел единый народ, разделенный искусственно на три части: Россию, Белоруссию и Украину. Условной датой создания большевиками проекта «Украина» можно считать 1922 г., когда произошло образование СССР, составной частью которого и стала Советская Украина (УССР), и в которой началось строительство украинской нации. Идеологической основой украинизации стал ленинский тезис о борьбе с «великодержавным (он же великорусский) шовинизмом», где во имя пролетарского

интернационализма и преодоления недоверия и подозрительности, угнетающая нация, т.е. русская должна была быть поставлена в неравное положение с нацией угнетенной [12, с. 285]. А вот почему «украинская нация», считавшаяся в годы царизма нацией русской, по мнению большевиков, вдруг стала угнетаемой, это не понятно.

Кроме того, одним из вопросов государственного строительства было разграничение территории. Проведение границы между Россией и Украиной, как правило, проходило по старым губернским рубежам, сложившимся еще в досоветский период, так, например, между Харьковом и Воронежем. Территории северного Причерноморья, ранее именовавшиеся Новороссией, а также Донецкий регион были переданы Украине с одной лишь целью – повысить процент пролетариата во вновь созданной аграрной республике. Наибольшее беспокойство у украинских коммунистов вызывали территории бывшей Слободжанщины с украиноговорящим населением пограничья, оставшегося в составе Воронежской, Курской, Ростовской областей, а также Кубани. В начале 1923 г. украинские руководители представили в Москву проект пересмотра украинских границ. Они предлагали небольшую часть Волыни передать Минской губернии, в обмен требуя от РСФСР значительную часть Курской, Воронежской, Брянской губерний, ссылаясь на то, что этнографические границы Украины не совпадают с границами девяти губерний РСФСР [13, с.100–101].

В качестве экспертов в деле пересмотра границ украинская сторона пригласила двух украинских историков Д.И. Багалея и М.С. Грушевского. Багалея указывал на то, что в основе государственного размежевания молодых советских республик должны лежать принципы исторические, географические, этнографические, лингвистические и экономические. Он подчеркивал, что «Часть ... уездов Курской и Воронежской губерний являются в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом...». Грушевский ссылаясь на собственную «Историю Украины-Руси». Вернувшись на Украину в 1924 г., он рассматривал процесс движения украинцев на восток с конца XVI в., пока в XVII в. граница украинского расселения в Воронежской губернии не достигла рек Дон, Тихая Сосна, Острогоща, а поэтому делал вывод о необходимости «восстановления справедливости» [13, с.102–103]. Что касается российских чиновников, то они с претензиями не соглашались, указывая на чересполосицу расселения, которая не позволяла производить территориальное деление по этническому принципу, что действительно было правдой. Так по соседству со слободой обычно всегда располагалось русское село или деревня. Например, указанная выше Русская Тростянка и рядом Хохол-Тростянка или под Воронежем – Русская Гвоздевка и рядом Панская Гвоздевка. В 1927–28 гг. этот вопрос вновь поднялся украинскими большевиками, которые ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях», а украинский нарком просвещения Н.А. Скрыпник доказывал, что украинизация там якобы не проводилась [13, с. 104]. Он же в 1928 г. написал статью «О границах УССР», в которой добивался пересмотра существовавших границ как мешающих свободному развитию украинской национальности. По его мнению, в состав Украины должны были перейти не только некоторые районы Воронежской и Курской губернии, но и Ростовской, а также Кубань [12, с. 389]. Закрыв этот вопрос Сталин 12 февраля 1929 г. На встрече с украинскими писателями Сталин сказал, что «этот вопрос несколько раз обсуждался у нас» и решено было ничего не менять: «слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны» [13, с.105].

Началом политики украинизации или «коренизации» стал официальный курс партии, обозначенный в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б). Коренизация представляла собой политику партии по насильственному переформатированию русской или малорусской идентичности в украинскую с помощью партаппарата и административных мер [3, с. 419]. Впервые этот вопрос поднял Сталин еще в марте 1921 г. Тогда, на X съезде партии, он выступил с докладом по национальному вопросу, где указал на необходимость: «а) развивать и укреплять у себя советскую государственность в формах, соответствующих

национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развивать у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке» [13, с. 69]. Мало того, что идея коренизации должна была облегчить распространение коммунистических идей и сделать новый политический режим привлекательней, украинизация была орудием и внешней политики, призванным завоевать симпатии украинцев в соседних странах: Польше, Венгрии, Румынии [14, с.102]. Под украинизацию попали все сферы общественной жизни республики. Все делопроизводство обязано было перейти на украинский язык, и уже летом 1923 г. на Украине вышли два постановления, согласно которым граждане, поступающие на гос. службу, должны были выучить украинский язык в течение полугода, а те, кто уже работал, то в течение одного года. Те сотрудники, которые не желали изучать язык, должны были быть уволены со службы без выходного пособия. Основная масса школ переводилась на украинский язык обучения, обязательным он стал в ВУЗах. К 1930 г. из крупных республиканских и областных газет всего лишь три издавались на русском языке, а в 1931-м в УССР насчитывалось 66 украинских, 12 еврейских и только 9 русских театров. Конечно, говорить о том, что эта политика была встречена с ликованием местным населением, советскими и партийными органами не приходится, она вызвала сильное, встречное сопротивление. Например, благодаря этому в 1927 г. Совнарком СССР подтвердил, что делопроизводство в частях РККА должно вестись только на русском языке, как и по всей стране. Простые граждане Украины, в том числе и из сельской местности, писали письма в союзный и республиканский ЦК партии с просьбой отменить украинский язык, т.к. они его не понимают. Да и было почему. В новосоздаваемый советско-украинский язык старались ввести максимальное количество польских или чешских слов, чтобы язык стал более отдаленным от русского. Много галицийских слов и выражений было включено в Академический словарь украинского языка. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей не только научного, но и литературного языка. В докладе, который в январе 1929-го оглашали в Киеве в Коммунистической академии члены Комиссии по изучению национального вопроса, было записано: «Возьмем дореволюционный украинский язык на Украине, скажем язык Шевченко. И теперешний украинский язык, с одной стороны, и русский язык – с другой: Шевченко почти каждый из вас поймет. А если возьмете какого-либо современного писателя – Тычину, Досвитского или другого из новых, – я не знаю, кто из вас, не знающих украинского или хотя бы польского языка, поймет этот язык на основе русского. По отношению к русскому языку мы видим здесь значительное увеличение расхождения» [3, с. 429]. Конечно, новый язык был не понятен не только сельским жителям Украины, но и украинцам, проживающим на приграничных территориях РСФСР, а от того и вызывал отторжение.

Не имея возможности провести украинизацию форсированными темпами, из-за отсутствия подходящих кадров, т.к. образованное городское население республики было русскоговорящим, партийным руководством было принято решение разрешить вернуться в страну националистам-галичанам, проживавшим после Гражданской войны в Польше, Австрии, Чехословакии. По возвращению, многие из них были назначены на посты в Наркомпросе, и составили, по мнению вернувшегося украинского историка М.С. Грушевского, около 50 тыс. чел. [13, с.121].

Мало того, КП(б)У не собиралась ограничиваться территорией своей республики, под ее давлением, в 1920-х и начале 1930-х годов начала проводиться насильственная украинизация и территорий РСФСР, приграничных с Украиной и исторически заселенных украинцами. Под эту украинизацию или коренизацию невольно попали некоторые районы Воронежской области. В качестве эксперимента был взят Россошанский уезд, где по некоторым данным проживало более 90% населения, говорящего на украинском языке. Изначально местные власти не спешили проводить украинизацию, надеясь, что все это

временное и скоро забудется, но увернуться от линии, проводимой партией, не удавалось. Как только прошли слухи о возможном присоединении некоторых районов области к Украине, вопрос стал подниматься на уездных съездах Советов. Так, в протоколах Россошанского и Острогожского съездов подчеркивалось, что «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассимилировалась с великорусским» [13, с. 142]. Но не все были согласны. В Москву шли письма с просьбой «избавить украинское население от насилия со стороны русских». Такое письмо, например, пришло из слободы Подгорной Россошанского уезда, где местная инициативная группа интеллигентов, сторонников присоединения к УССР, вступила в борьбу с местными властями, не желавшими менять юрисдикцию [12, с. 214]. Или общее собрание учителей и курсантов Украинских курсов Воронежа и Украинского клуба имени Т.Г. Шевченко активно выступило в поддержку требований ВЦИК Украины о присоединении Валуйского, Россошанского, Богучарского уездов, а также ряда других территорий РСФСР к УССР, мотивируя это необходимостью борьбы с великодержавным шовинизмом. Собрание также постановило, что эту мысль необходимо внушать крестьянству и освещать проблему в прессе [12, с. 239].

Как и везде первым этапом наступления на русский язык, стала школа, где предполагалось произвести перевод обучения на украинском языке с первого класса. С этой целью в 1926 г. в Россоши и Павловске были открыты украинские педагогические техникумы, которые должны были решить вопрос с кадрами [15, с. 114]. В итоге к 1928 г. в уезде работало 256 учителей украинцев и 172 русских учителя [15, с. 115]. На украинское делопроизводство должны были перейти все уездные, волостные, советские и партийные учреждения. Предписывалось все бланки, печати, штампы, вывески местных органов управления изготовить на украинском языке. Создать списки владеющих украинским языком, желающих изучать и посещать курсы, и отдельные списки не желающих обучаться. После создания Центрально-Черноземной области в мае 1928 г., политика украинизации резко усилилась. К тому же произошло и укрупнение районов. Так появился Россошанский округ, в который вошли территории бывших Россошанского, Павловского, Богучарского уездов – всего шестнадцать районов: Богучарский, Бутурлиновский, Верхнее-Мамонский, Воробьевский, Воронцовский, Калачеевский, Кантемировский, Лосевский, Михайловский, Новокалитвянский, Ольховатский, Павловский, Петропавловский, Подгоренский, Ровенский и Россошанский с населением, по данным 1928 г., 896 842 чел., из которых украинцев было 684 620 чел. или 76,4% населения [15, с.116]. В декабре 1928-го Россошанский окрисполком принял решение о полной украинизации округа, которая должна была завершиться до 1 октября 1930 г. [15, с.117].

В феврале 1929-го на заседании бюро обкома ВКП(б) было принято решение об утверждении двухлетнего плана по украинизации Россошанского, Острогожского, Белгородского, Борисоглебского, Львовского округов [15, с. 117]. В октябре этого же года вопрос об украинизации был вынесен на заседание бюро обкома ВКП(б), на котором выступил секретарь обкома И. Варейкис, заявивший о решительном переломе в работе по украинизации. При этом учитывались трудности и недостатки, связанные с отсутствием достаточного количества кадров. Решить эту проблему предложил секретарь Россошанского окружкома ВКП(б) М.М. Малинов, поставив вопрос о переброске с Украины необходимого количества работников культуры, редактора газеты, 50 учителей, преподавателей совпартшколы и педтехникумов [15, с. 119]. Коренизация округа при переводе делопроизводства на украинский язык показала, что на низовом уровне в среде работников сельских советов очень слабое знание «мовы», для чего создавались районные курсы, на которых преподавали учителя школ и выпускники Павловского украинского педтехникума. Срок обучения на курсах составлял 33 дня по 3 часа ежедневно. Курсы посещало 775 слушателей из 43 учреждений округа [15, с.121]. Хотя, как признавалось руководство, через 5-6 дней занятий, курсы, как правило, разваливались, и приходилось набирать новых

слушателей. Среди всех советских органов наиболее быстрыми темпами прошла украинизация судов, нотариальных контор и органов судебных исполнителей. Однако в январе 1930-го Россошанский окрисполком вынужден был признать слабую работу по украинизации. Полного введения делопроизводства на украинском языке ввести не получалось. Директивы на украинском просто не читались, чиновники их не понимали и считали «филькиной грамотой». Даже судебные и прокурорские органы отправляли документацию на места на русском из-за боязни, что на украинском они не будут точно и правильно поняты. Особо низкие темпы украинизации отмечались в Россошанском и Михайловском районах, в которых на украинский перешло менее трети сельсоветов, а почта, кооперация и милиция вели переписку на русском. В Богучарском районе из 302 госслужащих «мову» знали только 84 чел., в Бутурлиновском из 220 – 52 чел., в Воронцовском из 77 – 5 чел. Проверка показала, что даже на предприятиях республиканского и союзного значения делопроизводство и прием посетителей производился на русском [15, с. 123]. Украинское население округа никак не хотело подвергаться украинизации. Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась компания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано не одной украинской школы». «Большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами, – делал вывод председатель местного исполкома и приводил пример. В губернской крестьянской "Нашей газете" была открыта специальная рубрика, так называемый "украинский куток", в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке». Что же получилось? «После двух-трех заметок "Куток" заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом ... Жители не считают себя хохлами» [13, с.142–143].

Несмотря на противодействие местного населения, определенных успехов удалось добиться в системе школьного образования. Так, например, из школ I ступени (1-4 годы обучения) вместо 531 школы из 704 школ округа была украинизирована 601, так же успехи просматривались в пунктах ликвидации неграмотности, профессиональных, советских партийных школах, рабфаке, сельскохозяйственном и зоотехникумах, а также в трех школах колхозуча [15, с.124].

Не отставала от образования и культпросветсистема. Главная газета округа «Голос бедноты» стала выходить на украинском, газеты для малограмотных также стали издаваться на «мове», с помощью передвижек по селам демонстрировалось несколько кинокартин, в округе гастролировала украинская театральная труппа, пользующаяся успехом, гастролы осуществляли отдельные артисты, музыканты и певцы. Сложной оставалась ситуация с избами-читальнями из-за малого количества поступающей украинской литературы [15, с.125]. В плане классовой борьбы, то она себя, по мнению руководства округа, никак не проявила. Хотя слухи о том, что выпускники украинских школ не смогут поступать в российские ВУЗы, распространялись. Конечно, доля истины в этом была. В 1920 г. в Воронежском университете был открыт рабфак. Целью его было сменить классовый состав студенчества, выдавив молодежь непролетарского происхождения из высшей школы, попавшей туда в годы НЭПа и помочь рабочим и крестьянам получить высшее образование. Выпускники рабфаков имели право поступления практически во все вузы и техникумы страны. В 1926 г. в ВГУ было открыто украинское отделение рабфака. Спустя два года оно выделилось в самостоятельное отделение и разместилось в г. Павловске, поближе к районам с преобладающим украинским населением. Финансировалось оно за счет головного воронежского рабфака. В 1928 г. украинский рабфак был открыт на педагогическом факультете университета. Однако с украинским рабфаком вышли большие сложности. С одной стороны, студенты активно украинизировались, а с другой – поступать им приходилось главным образом в вузы России. Отправляться в вузы Украины большинство рабфаковцев, уроженцев российского Черноземья не хотели, да и Наркомпрос РСФСР не

проявлял желания тратить средства на подготовку абитуриентов для другой республики, поскольку бюджеты у республик были разные, а также в связи с тем, что в 1928 г. Наркомат просвещения УССР категорически отказался прикреплять к своим вузам выпускников воронежских рабфаков. В результате украинизация воронежских рабфаков оказалась делом неперспективным [16, с. 216–217].

Были выявлены основные моменты, тормозившие украинизацию, это: недостаток украинских кадров, недостаточное внимание к переподготовке имеющихся сотрудников, текучка кадров, т.е. обученные украинскому языку специалисты перебрасывались в другие районы, а на их место присылались русскоговорящие, слабое участие общественных организаций и недостаток денежных средств. Из-за этих проблем вопрос сплошной украинизации срывался. Сроки вместо 1930 г. стали переноситься на 1931-й. За срыв процесса украинизации Россошанский, Острогжский и Белгородский окрисполкомы получили выговоры [15, с.126]. В целях ускорения украинизации облисполком предлагал ВЦИКу увеличить финансирование Россошанского округа, прежде всего, на проведение курсов и на издание межокружной украинской газеты для малограмотных. В итоге в 1928–29 гг. вместо плановых 24 тыс. руб. фактически было потрачено 63 500 руб., а в 1929–30 гг. – 50 тыс. по плану и фактически [15, с. 127].

15 июля 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации округов и укреплении районов», вследствие чего в августе Россошанский округ и окрисполком были ликвидированы, и вопрос об украинизации лег на плечи районных властей. Если по украинизации годом раньше Россошанский округ входил в число отстающих, то в 1930-м Россошанский и Павловский районы переместились в число передовых. Если не брать во внимание то, что в отличие от городских и районных учреждений, сельские советы никак не хотели переходить на украинский язык, то практически все школы и избы-читальни это сделали, получив учебники и литературу на украинском. Кроме них украинизировались 77 кружков по партийной учебе, 5 кружков по советскому строительству и пр.

О трудностях украинизации говорили и на проходившем в Воронеже 10-13 марта 1932 г. первом областном съезде нацменьшинств ЦЧО. Выступивший от лица Россошанского района литератор и публицист П.И. Стодоля жаловался на поверхностный подход к проблеме и нежеланию русских обучаться языку в вечерней школе, считая его трудным. Украинский язык игнорировался в медицинском, птицепромышленном техникуме и птицеводческом институте [15, с. 128], что, в общем-то, было понятно. Маловероятно, что преподаватели могли найти синонимы специальным терминам на украинском языке, их к тому времени еще не придумали.

В итоге Россошанский округ, а затем район, стали основными полигонами в деле украинизации населения в Воронежской области.

В 1932 г. линия партии резко изменилась, начался обратный процесс – деукраинизации. Да и было почему. Начался отток населения из республики. Уезжали преподаватели ВУЗов, не желавшие преподавать и вести научную работу на украинском. На месте оставались не лучшие научные кадры, а в первую очередь «свидомые». Была заложена основа формирования этнической республиканской элиты. Чтобы занять хоть какую-нибудь должность, необходимо было знать украинский язык, а еще лучше быть украинцем по происхождению. Формировавшаяся бюрократия монополизировала право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления. Такое привилегированное положение украинской элиты вызывало раздражение другой части общества: большевиков, веривших в мировую революцию и лозунги интернационализма, а также носителей русской культуры. Эти мнения несогласных украинское руководство называло «великорусским шовинизмом» [13, с.125]. В итоге Сталин заявил, что в партийных и советских органах Украины окопались скрытые националисты и иностранные агенты. Началась чистка. Пострадали не только партийные и советские руководители, но и работники науки, культуры, образования, обвиненные в национализме. Массово, как «антисоветских элементов», началось увольнение учителей украинского языка, Академия наук была также

очищена от националистов, были они вычищены из Наркомпроса УССР, научно-исследовательских и педагогических институтов. Волна, зародившаяся в Киеве, дошла и до российских приграничных областей и районов, где так же начался процесс деукраинизации. 15 декабря 1932-го вышло постановление ЦК ВКП(б) об украинизации, которое было рассмотрено 19 декабря на заседании Бюро обкома ВКП(б) ЦЧО. Первый секретарь И.М. Варейкис выступил с докладом, по которому с 1 января 1933 г. предписывалось остановить дальнейшую украинизацию районов с переводом всего делопроизводства на русский язык, а с сентября перевести все украинские школы на русский язык обучения. 26 декабря 1932-го вышло распоряжение № 59 по Центрально-Черноземной области, которое ликвидировало украинизацию в судопроизводстве. Согласно этому документу все делопроизводство в судах и прокуратуре переходило на русский язык, прекращалась переписка на украинском языке, а также все выплаты любых надбавок работникам-украинцам за работу на украинском языке.

Хотя откат в деле украинизации произошел, но дело свое большевики сделали. В 1991 г. было создано независимое украинское государство с идеологией, озвученной президентом Леонидом Кучмой: «Украина – не Россия», а события в Киеве 2014 г. и в последующие годы проявили всю антирусскую направленность страны. Люди, носящие русские фамилии и говорящие на русском языке, маргинализировались настолько, что свой родной язык называют языком врага или оккупанта. А прямым отголоском политики украинизации стал, принятый в 2019 г. Верховной радой, «Закон о языке», в точности повторяющий все те мероприятия, которые проводили большевики в 1920-30 гг. на Украине.

Литература

1. *Загоровский В.П.* История Воронежской области. Издание 3-е, доп. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976. – 160 с.
2. *Панова В.И.* История Воронежского края. 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: «Родная речь», 1995. – 208 с.
3. *Медведев А.А.* Подлинная история русского и украинского народа. – М.: Издательство «Эксмо», 2015. – 512 с.
4. *Бережной А.А.* Миграционные процессы на юге Воронежской губернии (XVIII в.). // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Выпуск 14. – Воронеж: ВГУ, 2006. С. 17–23.
5. *Марчуков А.В.* Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). – М.: ООО «Издательство «Кучково поле», 2018. – 512 с.
6. *Кольцов А.В.* Ночлег чумаков / Алексей Кольцов. «В мечтах не разуверюсь я...». Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. Воронеж: Центр Духовного возрождения Черноземного края. 2001. – С. 50–51.
7. *Костомаров Н.И.* Приключения по смерти (рассказ одного слобожанина) / Н.И. Костомаров Русские нравы. Повести. Очерки. Рассказы. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. – С. 147-157.
8. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книга первая. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1971. – 368 с.
9. *Прохоров В.А.* Вся Воронежская земля. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. – 367 с.
10. *Волконский А.М.* Украина: Историческая правда и украинофильская пропаганда. – М.: ООО «Кучково поле», 2015. – 208 с.
11. *Ленин В.И.* Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая). / В.И. Ленин Избранные произведения в 3-х томах. Т. 2. М.: Политиздат, 1982. – С. 90–94.
12. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 591 с.
13. *Борисенко Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920-1930-е годы. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 245 с.

14. *Коротун С.Н.* Украинизация Воронежского края в 1923-1932 годах. // Вестник Пермского университета. Серия: история. Вып. 4 (39). – 2017. – С. 101–108.
15. *Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Этнокультурная политика Советской власти в отношении национальных меньшинств Воронежского края в 1923-1932 гг. (на примере Россошанского уезда). // Из истории Воронежского края: сборник статей. Выпуск 16. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. – 2010. – С. 111–131.
16. *Карпачев М.Д.* Воронежский университет: вехи истории. 1918-3013. – Воронеж: Издательство ВГУ. – Изд. 2-е, испр. и доп., 2013. – 560 с.